

Пропась, разрыв и надежда

**Человек как открытая целостность /отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова.
Новосибирск: Академиздат, 2022. 420 с.**

Книга посвящается научному сообществу. Что это значит? Разумеется, прежде всего — уважение к этому сообществу, в надежде на то, что оно откликнется на проблему понимания человека как открытой целостности, хотя средоточием проблемы был концепт «прокреация». При чтении книги это сразу напрягает, хотя, конечно, рождение само по себе, сам процесс рождения предполагает выход наружу уже чего-то целого, постепенно раскрывающегося навстречу неведомому и прилагающего все свои способности к его постижению и изменению. Речь, то есть, совместно с прокреацией почти мгновенно ведет к идее креации, творчества, творения, но о нем говорится всерьез только в одной статье И.В. Зыковой «Трансдисциплинарная модель развития научных воззрений на природу лингвокреативности: философия vs психология vs семиотика vs лингвистика», употребляясь как синоним креативности. «Прокреация» же употребляется в широком значении «меж- и трансдисциплинарного трансфера», «обеспечивая дисциплинарные стыковки, создавая “мостики” понимания и диффузию фундаментального и прикладного» (с. 404). То есть прокреация далеко выходит за рамки ее словарного значения (в смысле «рождения», «произведения на свет» и пр.), а следовательно, находится совсем рядом с креативностью.

Книга все же посвящена человеку как открытой целостности, и это очевидный замысел руководителей проекта, который они — столь же очевидно — пытались донести до его участников, которые, занимаясь собственными конкретными исследованиями, иногда словно вдруг вспоминали о сверхзадаче и писали об открытой целостности, давая определения, не всегда ясные (см., например, с. 245).

Впрочем, авторы монографии хотели начать с начала, ибо сама «тема родового воспроизводства человека» (с. 7) заставляет держать в памяти и Августиново недоумение перед природой человека, ибо он признает «я сам себя поставил под вопрос», и Кантову дрожь — спустя 14 веков — перед задачкой «что такое человек?», резюмирующей вопросы «что я могу знать?», «что я должен делать?», «на что я могу надеяться», и желание Гегеля восстановить человека из разрозненного состояния, и убежденность Хайдеггера в том, что могущий слышать бытие человек озадачен вопросом, осуществится ли его бытие так, чтобы соответствовать уже данному бытию, и многое другое того же рода. И это ведет к огромным трудностям, ибо мы мало знаем, что конкретно собой представляет человек с его внутренним и внешним, физическим, психическим и интеллектуальным-ментальным-мысленным, с его перетеканием из одного состояния в другое и осуществление сразу во всех состояниях. Эти трудности выражает сама архитектура издания.

Монография состоит из Введения, трех разделов, Открытого финала (вместо Заключения) и своеобразного словника, который авторы предисловия к нему Л.А. Киященко, А.В. Голофаст и Т.А. Сидорова назвали «Ландшафтом тематизаций прокреации». Собственно, в этом словнике собраны опорные термины, понятия и концепты книги.

Во Введении рассказывается фактически история создания монографии — ее замысел, предполагавший разветвленную содержательную часть, и воплощение этого замысла в проведении двух международных междисциплинарных круглых столов «Проблематизация человека: незавершенный проект» и «Человек: открытая целостность», где были прочитаны соответствующие теме доклады, — и публикации книги. Книга предполагала переработку докладов в статьи, которые аннотировались и снабжались библиографией. Это несколько снижало авторско-редакторский пафос, направленный на обсуждения, но тем оказалось великое множество, так что по ходу дела происходили вместе и конструкция, и деконструкция первоначальных планов. Основной центр тяжести книги пал на концепт «прокреация», как бы не вполне отвечающий названию, но для того и понадобилось Введение в историю создания книги, где объяснялось, что первоначально речь шла не о столь широком размахе — представить человека как открытую целостность, а об «описании процессов трансформации человеческого воспроизводства в условиях распространения искусственной репродукции» (с. 7), но в процессе работы выяснилось, что тема расширяется, и в процессе выхода на трансдисциплинарный уровень она потребовала иного уровня философских обобщений.

Но концепт «прокреация», вызвавший эту потребность, равно как и «анализа множественных дискурсов о человеке», и исследования «материала разного предметного воплощения и в разных вариантах дискурсивного проектирования этого воплощения... нормативного выстраивания того нового смысла, который будет ориентиром в оформлении социальной реальности и воспроизводства человеческого рода» (там же), остался как заглавный термин, как начало. В этом пространном объяснении смен векторов исследования смущают слова «нормативное встраивание» нового, ибо новое, если оно новое, находится в неопределенности использования, а потому не знает никаких норм встраивания. Оправдывает такое словоупотребление желание понять те процессы трансформации, происходящие с человеком, для которых вот только сейчас и находятся слова, прикидывающиеся нормой, ибо облекаются в привычные предложения рождающегося произведения. Составители (возможно, интуитивно) сами называют это «догоняющим эхом контекстной обусловленности» при намечающейся смене именно контекста.

Во Введении к тому же кропотливо и тщательно выписываются темы, образующие спектр размышлений, который, правда, несколько кентаврически назван «проблемокомплексом», хотя этим монстром обнаруживается почти еще невозможность именованная (нет слов!) того «полноаспектного многоуровневого феномена», каким является человек, вместе и «субъект и творец собственной жизни и окружающего мира, проявляющего трансформативную активность во взаимодействии внутреннего и внешнего мира» (с. 8). Один лишь перечень участников (организаторов, авторов, основоположников) этого грандиозного предприятия по «созданию эластичного агрегатора-инструментария генерации и анализа прокреативных практик» свидетельствует и о возможной смене ориентиров исследования, и о том, что проблема действительно назрела, ибо все они не просто представители разных научных дисциплин, но и принадлежат к разным научным и философским школам, не часто контактирующим друг с другом (попытка собрать всех вместе для выяснения позиций — еще один бонус создателям книги). Среди авторов — Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова, А.Г. Асмолов, А.А. Лисенкова, Е.И. Ярославцева,

М.Н. Эпштейн, Я.И. Свирский, Н.Т. Попова, Г.Л. Тульчинский, С.Р. Динабург, И.И. Мюрберг, А.Ю. Шеманов, У.С. Струговщикова, В.Н. Порус, В.А. Агарков, Е.Д. Шехтер, В.И. Моисеев, И.В. Ершова-Бабенко, А.М.Черноризов, Л.Б.Сандакова, П.Д. Тищенко, О.Б. Панова, А.В. Голофаст, С.В. Борисов, С.А. Смирнов, А.Р. Джиджян, Н.Р. Кочарян, И.В. Зыкова. И это не считая тех, кто по тем или иным причинам не вошел в проект. Каждая статья-доклад сопровождается аннотациями на русском и английском языках, библиографией. Это ставит под сомнение квалификацию книги как монографии, хотя и под квалификацию ее как сборника она не подходит: ее ценность составляют, во-первых, общая тема, а во-вторых, то, что эта тема обсуждается как целое участниками проекта. Под титулом «Открытый финал» подразумевается именно обсуждение, к сожалению, всего лишь 10 докладов. И это немало! Вряд ли в представленном обсуждении родилась истина, но опыт ее поисков неоспорим. Насколько мне известно, в отечественной литературе подобная книга с обсуждением труднейшей проблемы появилась единожды — это «Историческая наука и некоторые проблемы современности», изданная силами сектора методологии истории Института всеобщей истории АН СССР, которым заведовал М.Я. Гефтер, и вышедшая в Москве в 1968 г. Более полувека назад! Та книга вызвала шквал устных и письменных откликов, многих заставила пересмотреть свой взгляд на историю как линейно-поступательное развитие, не подлежащее пересмотру.

Впрочем, читатель книги «Человек как открытая целостность» постоянно находится в состоянии вопрошания, сомнения, недоумения. Они-то и привели к тому, что обсуждения докладов оказались несколько скомканными, не говоря уже о том, что удостоились обсуждения меньше половины выступлений. И это не отменяет того, что перед нами пионерская книга.

Моя задача — не рецензировать всю книгу (если это делать серьезно, рецензия превратится в большой текст), а обратить внимание на ее некоторые аспекты.

Раздел 1 «Проблема человеческой целостности: вызовы, вопрошания, концептуализация» включает в себя 8 статей-докладов и открывается размышлениями Л.П. Киященко по поводу «Парадокса целостности человека: критики способности быть». Этот парадокс изначален, природа человека двуедина: биологическая и духовная. Эти природы настолько разные, и столько копий было сломано при попытках понять, как, например, можно объяснить их неделимость и неслиянность. В христианстве спор о том, состоит ли Христос из двух природ или в двух природах, длился несколько столетий, см., например, трактат Боэция «Против Евтихия и Нестория»; известно, как Декарт в «Трактате о человеке» всматривался в шишковидную железу, которую он считал местом преобразования желаний души в животные духи. Пространство преобразования, пространство «между» этими природами давно стало наблюдаемым предметом у философов (см. «Хору» Ж. Деррида). Л.П. Киященко обратила внимание не только на напряженное место «между», но на то, что это место как междометие предполагает разнонаправленность бытия («быть о» и «быть в»), что заставляет его внимательно изучать, ибо оно обеспечивает тот самый «антропологический разворот» «к возможностям трансдисциплинарного измерения» (с. 14). Это измерение включает в себя логическое триединство — основания, обоснования и обоснованности становления. Кажется несколько избитым выражение «сочетание несочетаемого», ибо парадокс именно это и предполагает. Потому, конечно, суть

дела здесь именно в котле преобразований того самого «между», которое Киященко называет «феноменальным пространством», где и дается (или — осторожнее — может быть дан) ответ на вопрос «кто мы такие?» (с. 14–15). И, конечно, здесь не случайно прозвучало имя И. Канта, ибо реально здесь его проблема: «критика способности быть». И она состоит в дву(о)смысленном статусе каждого конкретного человека: его сохранности и способности изменяться в связи с внешними и внутренними подвижками, т. е. проблема человеческой целостности. Эта целостность, однако, потому и целостность, что и сохранность, и изменение в ней — вместе, потому, как кажется, не «с одной стороны» и не «с другой», а одно или другое в зависимости от рассматриваемого контекста при условии, что второе состояние не исчезает («два пишем, три в уме»). На идею целостности, о которой говорит Киященко, как раз «работает» идея «разрыва, конфликта, кризиса, катастрофы» — смена контекстов к ним и ведет. Более того, эта смена происходит именно «осознанно, т. е. критически» (с. 17). Только речь скорее идет не о диалектике, а о диалогике, ибо «механизм... парадоксального парафраза основания» (словоупотребления диалогике) как раз и находится в средоточии логического предела. Именно об этом, на мой взгляд, свидетельствуют слова А.В. Ахутина, ученика В.С. Библера, «язык есть язык (а не набор звуков и черточек), только если на нем можно говорить о том, что языком не является... поэтому, обращенный на себя, он и попадает в парадокс», в «парадокс с Иным», как замечает уже Лариса Павловна, «или с самим собой как с Иным » (с. 17–18). Это как раз соответствует определению парадокса Библером, на которого в статье есть ссылка, правда, по другому, хотя и близкому, поводу: «Парадокс есть всеобщая логическая форма воспроизведения и обоснования в понятии, в логике — внепонятийности, внелогичности бытия, все более всесторонне несводимого к понятию» (с. 88). Парадокс предполагает взгляд на привычное со стороны, «делать привычное странным» — в тесноте, в которой, как известно, «лица не увидеть», а потому парадокс возможен только при условии, что есть свобода. Тем более что и Лариса Павловна характеризует, например, трансдисциплинарность как «феномен, который может быть обнаружен за пределами (*т. е. в Ином. — С.Н.*) дисциплинарно организованного знания... в опыте предельного преодоления сопротивления устоявшихся границ и существующих определений» (с. 19–20). То есть в момент именно логического преобразования, когда две логики встречаются и... расходятся, что и есть дискурс. А потому вряд ли возможно здесь говорить о *подборе* «релевантных диалектических логик», скорее об их столкновении, и не обязательно диалектических, а философских логик, ведь и человек — существо взрывное, оказывающееся в разрыве культур, а иногда и в культурной пропасти, и вынужденное заново определять свои основания, понятия, директории бытия, исходя из чистого ничто, схватывая (конципируя, говорится же о концепте прокреации) почти наугад то, что станет началом новой логики. Но, как кажется, здесь и возникает возможность творчества, креации, а не прокреации, которая действительно возможна при «примеривании к конкретным (вариантным) условиям применения» (с. 17), а не при совершенной ничтожности.

Лариса Павловна права, когда опирается на Канта при обосновании парадоксального, указывая на антропологический разворот проблемы. Кант в Критиках именно ведет речь о творчестве, которое не сводится к созиданию или к деланию-деятельности и в котором определенно возникает проблема того самого промежутка, «между» познанием и желанием,

и эта пропасть «между» — реальная свобода, которая вольно или невольно участвует в связывании несвязных концов двух стремлений. Эту связь осуществляет способность суждения, которая по сути является априорной способностью связывать разделенные, разные вещи, оставляя след этой разделенности, или узел связывания разного. Способность суждения обладает возможностью перевода если не одного в другое, то одного на другое, являясь тем мостом, который каждый все-таки переходит сам. Кажется, что этот симбиоз техники и усилия по ее постижению, доставляя материал для созерцания, и являет ту возможность для креации, то «сокровенное в недрах человеческой души искусство», которое у Канта называется схематизмом (И. Кант. Критика чистого разума. М.: Наука, 1998. С. 178) и которое, скорее всего, прежде любой прекреации (парадокс!).

Для удержания «тайны сверхчувственного непостижимого основания», что является фундаментом так понятой свободы, «загадки человеческого существования», Киященко обращается к понятию трансфлексии, ибо оно «отличается учетом нелинейности событий общения (со-общений)», будучи «в определенных аспектах созвучным и понятию “синергетической рефлексии”» (с. 26). Это значит, что при трансфлексии понимание «не возвращается в исходную точку, а отклоняется», причем отклонение это означает «нетождественность предмета мысли самому себе, его собственной открытости становлению» (с. 26). Если, впрочем, допустить, что той же способностью обладает и рефлексия, а на наш взгляд, это именно так, ибо обращенность разума на самого себя означает несовпадение его ни с самим собой, ни тем более с предметом мысли, то необходимость во введении нового термина отпадает. И Лариса Павловна совершенно права, когда предлагает это обсудить, тем более что, по ее предположению, «смысл, сущность, сознание, субъект, объект и другие предметности мысли... засекаются как порождаемые в этом опыте трансфлексии», однако неясно, как именно засекаются, неясен сам «опыт трансфлексии». Допускается, что его можно обнаружить «обналиченным» в слове как событию речи, но как происходит именование (сообщение), несущее ответ на вопрос, поставленный «перед объективирующим мышлением», неясно, анализ ограничивается допущением, что при этом сохраняется тайна «дважды отрефлектированного (субъективного) мышления». Возможно, проблема несколько прояснилась бы с тематизацией концепта «творчество», о котором вспоминается по ходу книги в двух аспектах: в его связи с креативностью, в русском языке получившей иное значение, чем творчество, хотя оба слова от лат. *creatio*, и в его связи с лингвокреативностью. То, что понятие «творчество» ныне подвергается рассмотрению, существенно, ибо обычно оно понималось как бы само собой.

В докладе, специально ему посвященном, отмечается «многогранная и многомерная природа творчества», и именно она «находится в фокусе внимания разных наук и междисциплинарных направлений» (с. 317). Проблема рассматривается в аспекте трансдисциплинарности, ибо сам этот феномен «приобретает актуальность тогда, когда решаются вопросы *координации* фундаментального и прикладного знания, *интеграция* многообразия дисциплинарных связей» (с. 308. Курсив мой. — С.Н.), но реально речь о разнородных *связях*, о чем упоминалось выше. Но хотя акцент поставлен на трансдисциплинарность, реально творчество «протекает не в “рамках той или иной дисциплины...”, а в иной системе членения знания — в рамках “проблемной ситуации”», по

выражению Ю.С. Степанова, для которой неважен принцип трансдисциплинарности, и именно «проблемная ситуация» является «классификационной единицей современного научного знания». Соответственно, творчество и творит эту проблемную ситуацию, а развиваются науки, в том числе филологические, как кажется, все-таки каждая в себе. Сказать, что они развиваются «под знаком трансдисциплинарности», значит назвать процедуры, способствующие координации или интеграции, завязывающие в узел все знание, в таком случае дисциплинарности лишшающееся и востребующее философскую мысль. Собственно Зыкова и ставит перед собой задачу показать «специфику формирования лингвистических воззрений на природу творчества или креативности, значительное влияние на которое оказали философия, психология и семиотика» (с. 308). Хотя упомянутая троица составляет на деле единство (см. «Язык философии» В.В. Бибихина).

Из работы очевидно, что творчество *осуществляется* «в речевой коммуникации», «в языке» и в «процессе создания языковой системы», что, судя по всему, привело к созданию такого феномена, как лингвокреативность. Из концепций В. фон Гумбольдта, А.А. Потемни, Н. Хомского и Ф. де Соссюра, рассмотренных Зыковой, проистекает, что творчество — это язык как обоюдоострая система: он есть «инструмент или нечто созданное», «деятельность», «энергия», «субъектом которых является дух, человек... или весь народ», и он же сам субъект творческой деятельности, он — самосоздание, находящееся «в состоянии вечного порождения», «вечно живое и одухотворенное начало» (с. 309, 310); «эстетическая жизнь народа», «зародыш остальных искусств» как «невыраженное и неосознанное дополнение к слову» (с. 313), опирающееся на «чувство», «волю», «представление», «апперцепцию» и другие психологические понятия (с. 312); язык — «орудие свободного мышления и самовыражения», «уникальный тип умственной организации» (с. 311), связанный с «подлинным художественным творчеством», предполагающий «тождество языковых и мыслительных процессов», изобретающийся каждый раз заново, «порождающее устройство», лежащее в основе генеративной грамматики, раскрывающей «присущие уму качества, лежащие в основе мыслительной деятельности в таких ее естественных областях, как употребление языка свободным и творческим образом (с. 312), язык как иерархическая система знаков (с. 313). Это — основание для понимания того, что обозначается как лингвокреативность — «способность глубинных (концептуальных) оснований... системно порождать разнородные знаки языка... и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса» (с. 316). Все сказанное (кратко и емко по сути дела) *имеет важное значение для понимания того, как складывается языковая система*, но не для понимания механизма творчества. Для этого надо было, на наш взгляд, обратиться именно к связям языковых и мыслительных процессов, которые в работе Зыковой оказались просто в перечне языковых проблем.

Механизм творчества в свое время пытался объяснить Августин, выстроивший в «Диалектике» схему попадания, нахождения и выражения мыслеречия в голове субъекта (*de loquendo, de eloquendo, de proloquendo*) и внешнего высказывания им того, что дано Логосом и осмыслено человеком (*de dicibile, dictio*). Августин фиксирует данную уму цельность, распадающуюся при ее выражении. Кант же начинает с данности различия, которое необходимо связать, для того чтобы действовать. Творчество и гнездится в этом

распадке, который может быть связан суждением, обладающим для этого техническими возможностями, предоставляемыми языком со всеми его знаками и способностями выражения.

Подхвативший тему Библер, на которого не случайно, как и на Канта, ссылается Киященко, само мышление представляет агрегатом творчества (см. его книгу «Мышление как творчество», вышедшую в Москве в 1975 г.). Ячейкой творческого мышления у Библера является диалог, не просто мой диалог с самим собой, но диалог, который критикует меня с позиций другой культуры, укорененной во мне и внутри меня, создающей проекцию в будущее. Логика Библера — это философская логика культуры, возникающей на границе логик, ибо культура — в этом Библер был солидарен с М.М. Бахтиным — собственной территории не имеет. В этом смысле она всегда открыта и всегда погранична. Так понятая логика диалога свидетельствует о возможности радикального изменения мышления.

Всеобщность философской логики культуры состоит в том, что это — логика начала, где ничего еще нет, где логику еще только нужно изобрести. Такая логика не может быть ничем иным, как логикой парадокса, началом множества логик. Речь здесь осуществляет связь особого рода: автора и слушателя. Здесь нет суждения, здесь совместными усилиями создается произведение, разумеется, многозначное и многомерное, но не трансдисциплинарное, хотя и выражающее «проблемную ситуацию» действительно, по определению произведения, открытого целого. Логика такого произведения предполагает предельное доведение возникающего понятия до момента, когда ставшее понятие вновь становится проблемой. Библер его и называет не понятием-термином, а понятием-проблемой, поскольку ментальный скальпель стремится проникнуть во внутреннюю организацию мысли, в понимание. Предметом и моментом логики начала мышления является, повторю, диалог, понимаемый не феноменально (спор между людьми), а как реализация и актуализация внутренней беседы разума с самим собой, выявляющей его «дву-о-смысленность»: как разговора с собой и как разговора «о предметной и категориальной сущности бытия» (Библер В.С. Замыслы. М.: РГГУ. С. 937).

Именно Зыковой при обсуждении были заданы вопросы о том, есть ли различие между творчеством и креативностью. Ответ, что термин «творчество» *интуитивно* относится к авторскому стилю, а креативность — к изучению функционирования языка (с. 393) при понимании мышления как творчества неправилен, ибо анализ мышления как творчества опирается не на интуицию, а на логику начала мышления, или диалогичку. Креативность же скорее связана, разумеется, с языковыми играми, как сказала О.В. Попова, участвовавшая в обсуждении, но скорее она имеет отношение именно к созиданию и деятельности, к осуществлению той вещи, которая мыслилась, к прокреации.

К сожалению, однако, обсуждение коснулось не всех докладов. Доклад Ларисы Павловны, например, еще раз замечу, устами автора требовал его, но, видимо, самую трудную тему, поднятую автором, еще надо было крепко обдумать. Не обсуждались, впрочем, и статьи Асмолова об «антропоцентрическом повороте: восхождении к сложности», Ершовой-Бабенко о «человеке как макроцелостности, выраженной концептом “brain-psyche (mind/consciousness...)”», Мюрберг о «Homo politicus и проблеме соотношения прокреации и контркреации» и некоторые другие. Вообще из 401 с. книги обсуждениям уделено лишь 36 с., причем обсуждения краткие, чаще всего комплиментарные и состоящие из вопросов

и ответов. Поскольку же проведение круглых столов предполагало деление на секции, то секция 1 (рук. Т.А. Сидорова), например, вместо обсуждения предложила отчет о работе, достигшей, по мнению руководителя, «необходимого уровня (? — С.Н.) междисциплинарного синтеза в изучении прокреации в философской, философско-антропологической, конкретно-научной трактовке». Остальные две секции были более обстоятельны, именно в них происходило заинтересованное обсуждение, например, по поводу доклада недавно — к беде нашей — скончавшегося Я.И. Свирского, переводчика Ж. Симондона, сделавшего доклад «Индивидуация Ж. Симондона как проект принципиальной незавершенности индивида». Вопросы, обращенные к нему, звучали от представителей разных дисциплин: от А.Ю. Шеманова, философа, культуролога, исследующего проблемы инклюзии и интеграции, становления субъектности, вопросы профессиональной этики и биоэтики; от У.С. Струговщиковой, философа, профессионально занятого вопросами биосемиологии; от Н.Т. Поповой, клинического психолога и др., которых, поскольку перевод ко времени проведения круглых столов еще не был опубликован, интересовали множественные формы интеллекта, представленные Симондоном, проблемы индивидуации (имел ли он в виду, например, говоря об эволюции, миф и ритуал в качестве индивидуирующих форм или они относятся к доиндивидуальному существованию), или, скажем, время прекращения жизни камня. Сейчас важны даже не ответы Якова Иосифовича, а сам разброс проблем, связанный с философской работой одного конкретного философа, работающего в пространстве «между», которое оказалось, повторю, едва ли не центральной проблемой для дисциплинарно разделенных ученых. Проблема эта стала камертоном тревоги не только потому, что в ней, по мнению Свирского, находится «заряд доиндивидуального» и что «в ней проявляются силы, к которым индивид не может (почему? — С.Н.) отнестись осознанно, рационально, артикулированно», а потому, что сама эта сфера требует прояснения.

В основном обсуждение касалось проблем антропологического поворота, личности, цифровых технологий, и по вызванному интересу можно судить о линии слома между «старым» мышлением (старыми терминами, знакомой системой рассуждения, тревогой за наследие, некоторой ожидаемой его «закатностью») и тем надвигающимся «новым», утверждаемым как постановщик новых программ, терминов типа хью-хайм. Под ним понимается «технология управления человеком и обществом», очень актуальная в наше время и считающаяся неформализуемой, хотя при нашей жизни историк-политолог Г.О. Павловский долгое время успешно справлялся с ролью такого технолога (см. его книгу «Ироническая империя. Риск, шанс и догмы Системы РФ», выпущенную в 2019 г. издательством «Европа»), пока не был заменен другим, тоже вполне успешно справляющимся с этой технологией. Высокая ли человечность скрывается в высокой технологии, пока неизвестно, но то, что это уже не апелляция к ненаставшему будущему, а недоуменная («но здесь нужно еще думать, видимо», с. 397) будущая реальность — очевидно. Степень готовности к этому практически нулевая, как свидетельствует настоящее время.

Выход такой книги — действительно событие: осмыслить человека в еще неразвернутой полноте его существования, постоянной пробы этого существования, моделирования «первых срезов, первых прикосновений к феномену внутреннего мира»

(с. 370). Событие заключается в попытке вывода из забвения внутреннего мира человека, к которому некогда (в Средневековье) чутко и осторожно прикасались «быстрой мыслью» (Августин). Но вот что фиксируется в словнике, который, по мысли архитекторов книги, представляет собой «ландшафт тематизаций прокреации», в котором работали участники проекта: деторождение, антинатальность, «капитализация» интимных аспектов телесности, альтернативное зачатие, «репро-футуризм», геротрансценденция, нормогенез, культура достоинства, конформизм-креация, надбиологические программы поведения, мироподобие, от вопроса «что такое человек?» (Кант) — к вопросу «Где и Когда Есть человек?», антропологическая сущность, «человек — это не данность, а проект самоизобретения», «призванность к бытию», экогуманология, а-гуманитарное, пост-, транс- и техногуманизм, психомерные системы, эмпатическое молчание, политическая интенциональность, междуречье, интеграция, инклюзия, бифуркационное управление и прочее, может быть, не столь парадоксальное. У каждого концепта, понятия или термина есть автор — это как бы представление к бытию. Приглашение к разговору.

Книга прекрасно оформлена: элегантная обложка, мелованная бумага — все это обнаруживает, сколь трепетно отнеслись составители к своему детищу — они показали, как оно значительно и нужно.

С.С. Неретина,
д. филос. н., профессор,
главный научный сотрудник ИФ РАН,
abaelardus@mail.ru